

«Там — озера чернеют корягами и гагары призывно кричат...»

Отрадное лето 94-го

(Начало в №№ 13-17)

ПРОСТИВШИСЬ с любимым болотом, навьюченные, словно ишаки, потому что хочется все унести к лодке за раз, глубокой ночью подходим к реке. Переодеваемся в сухое, так как даже в июльскую ночь в Негусьяхе не жарко. Ждем, пока часовая стрелка дойдет до трех. В лесу стоит абсолютная тишина, только иногда набежавшая волна плещет о корму нашей лодки. В три отчаливаем, нам предстоит долгий путь. До восьми часов, записывая всех поющих и видимых птиц, мы должны пройти самосплавом всего лишь 12 км, но каких изнурительно медленных! Хорошо еще, если это нудное мероприятие скрасит какое-нибудь неординарное событие, например, встреча с черным аистом, выводком гусеников, лосями или медведями.

День мы проводим в старых, почти разрушившихся юртах — верхних Когончиных. Если не знаешь, что тут стоит избушка, то можно спокойно проехать мимо. Вырастающий выше человеческого роста иван-чай скрывает ее полностью. Ночью нас ждет второй двенадцатикилометровый отрезок водного маршрута. А всего их три.

Иногда распланированный еще в Угуге сезон дополняется мероприятиями, которые приходится проводить в связи с

возникновением непредвиденных обстоятельств. Так было, например, в 1994 году.

Лето тогда выдалось отрадное. Комары почти не докучали нам, зато мышевидные грызуны различной окраски, разных размеров и видов решили, видимо, заполнить все доселе пустующие биотопы. Моя коллекция тушек пополнялась с неожиданной быстротой. Немалую лепту внесла в это Кошка (имя собственное нашей четвероногой помощницы), доставив самые редкие и необычные экземпляры. Как всякое необыкновенное явление, это потянуло за собой целый хвост других чудес.

Вода в Негусьяхе стояла большая, и мы без особых приключений шли на лодке обычным маршрутом: от стационара до заветного болота. Выехали, когда спала жара, и потому до старого хантыйского зимовья, промежуточного пункта, добрались под вечер. Решили попить чайку и обсудить находку — почти до скелета обглоданную лосиху. Похоже, что волки, отмеченные здесь зимой, обосновались основательно. Что ж, такое соседство нас мало волнует, а для заповедника это неплохой показатель. Пока закипал чай, Женя привлек мое внимание к странным звукам, доносившимся с другой стороны реки сразу из трех точек. Сказал, что это кричат птенцы совы. Нам, ко-

нечно, сразу захотелось отправиться на поиски, но помешали сгущавшиеся сумерки. Предстоял еще час пути и разбивка лагеря. Ставить палатку в темноте — не самое занятное мероприятие, потому решили ехать, оставив совет на потом.

На следующий вечер услышали точно такие же звуки возле своего лагеря. Вскоре, найдя их источник, мы увидели птенцов бородатой неясыти. Три бесформенных пушистых комасидели на верхних ветках сухого дерева и пялили на нас глаза. Они не выказывали никаких признаков беспокойства, как, впрочем, и их родители, находившиеся поблизости. Эти глазастые шарики настолько очаровали нас, что мы захотели стать приемными родителями, чтобы по мере роста птенца следить за формированием его оперения. Приняв совершенно напрасные меры предосторожности (ибо взрослая птица совершенно не пыталась препятствовать злоумышленникам), мы принесли одного из птенцов в свою палатку.

Женя пришел в восторг от такого количества ночных хищников и решил немедленно их всех учесть. В итоге, помимо ставшего уже привычным утреннего учета дневных птенцов, мы получили удовольствие пройти все учетные маршруты повторно, ночью. Это оказалось удивительным времяпрепровождением.

Ольга СРЕЛЬНИКОВА.

(Продолжение следует).